

Слово об Улановой

Владимир Васильев

Ушла из жизни великая балерина XX столетия, служившая примером редкостной чистоты и порядочности в отношении к своей профессии. Может быть, поэтому многие считали ее Совестью Русского балета. Театр был для нее жизненным пространством, в котором она всегда старалась быть незаметной, и величие ее от этой скромности, немногословности, нежелания быть в центре всеобщего внимания только усиливало впечатление, которое она производила на непосвященных.

Для нас же — артистов, видевших ее каждый день в репетиционных залах на протяжении десятилетий, — Галина Сергеевна была неотъемлемой составной частью Храма, в котором мы служили.

Уланова — Богиня, Уланова — Легенда. Эти понятия мы впитали с детства, со школьных классов, поэтому каждое ее появление среди нас — в училище и на сцене — трепетом, смешанным с робостью, отзывалось в детских сердцах.

Уланова — Труженица. Это пришло позже, но для меня именно оно определяет и по сей день главную черту «обыкновенной Богини», которой всю жизнь приходилось преодолевать себя во имя искусства танца.

Репетиционный зал, сцена, дом — изо дня в день, из года в год, десятилетия за десятилетиями, привычка, ставшая долгом, неоплатным до конца ее дней.

Более целенаправленного человека я не знал.

Она не пыталась объять необъятное, но образы, ею созданные на сцене, владели чувствами и мыслями миллионов людей, пришедших смотреть на живую легенду, пытавшихся разгадать ее, понять силу ее воздействия и забывавших обо всем, унося с собой только ее незабываемый облик.

Наша дружба началась в 1961 году и продолжалась до конца ее дней.

Удивительно в наших отношениях было то, что разницы в возрасте я не замечал, как, впрочем, и с Алексеем Николаевичем Ермолаевым, репетитором, с которым можно было поделиться самым сокровенным.

Она была необыкновенно горда и счастлива, когда я просил ее репетировать со мной. Это был тот редкий случай, когда мужские роли, такие, как Иван Грозный, я готовил именно с Галиной Сергеевной и ни с кем другим. Она говорила: «Ну, что же я могу показать, я же женщина», а потом: «Ну, хорошо, ладно». И она садилась на трон и своими худыми пальцами вцеплялась в поручни, и я видел, как она дрожала от непонятого волнения.

У нее были замечательные ученицы, в которых она воспитала свое нравственно чистое отношение к жизни. Это Малика Сабирова, которая ушла из жизни очень рано, это Нина Тимофеева, которая сейчас преподает в Израиле и все то,

Большой театр — 1998 — 26 марта (н.с.)

что ей передала Галина Сергеевна, претворяет сейчас в своих ученицах. Я уже не говорю о тех, кто продолжает работать сейчас. Это — Нина Семизорова, Алла Михальченко. И, конечно же, это Екатерина Максимова, которая стала ее первой ученицей. Потом Галина Сергеевна вспоминала: «Ты знаешь, я ведь и сама не знала, как это делается. Я никогда не преподавала. Я просто старалась тебе дать то, что, в первых, сама не доделала и что я чувствовала».

Для многих Галина Сергеевна навсегда останется боттичеллиевской девушкой. Она такой и выглядела. Даже в последние дни, когда приходила в театр.

С Большим театром ее сроднила долгая жизнь. И, как ни странно, жизнь тяжелая, потому что с годами она понимала, что становится все меньше и меньше учеников, а те, которые были, может быть, не всегда отвечали ее помыслам и ее желаниям дать им свое сердце.

Думаю, что после реконструкции Большого театра, в новом нашем комплексе, обязательно будет открыт зал имени Галины Сергеевны, думаю, что будет Фонд имени великой балерины.

Сегодня я еще раз понял, что есть редкие люди, которые очень долго живут во времени. Хроникальные кадры, которые мы видим, делают часто смешным то, что нам казалось удивительным, наполненным гением того или иного артиста; Уланова в этом смысле — исключение. Когда я смотрю ее «Лебединое», Джульетту, Лебедя, эту эстетику, казалось бы, пятидесятилетней — сорокалетней давности, — она близка нам и сегодня.

В последнее время ее очень мучило то, что она не может приходить в театр. И недавно у нас состоялся разговор, который весь был подчинен только одному: «Мне очень неловко, что я получаю зарплату и не могу здесь бывать». И когда я искал пути, как ее убедить, что то, что она дала всем нам, Большому театру, никак не может окупиться ничем со стороны Большого театра, пришла в голову идея сделать ее консультантом. И она как-то чрезвычайно обрадовалась тому, что у нее появилась возможность встречаться с молодыми артистами у себя дома.

Последняя работа Галины Сергеевны — главный консультант новой редакции балета «Жизель». Не оборвалась нить поколений. Так по цепочке и передается великое наследство — от Жизели — Улановой к Максимовой, от Максимовой к Лунькиной, а там — дай Бог! — и дальше...

Передо мной стоит подарок Галины Сергеевны. Прекрасная работа — тончайшая резьба по кости: прощание Ромео с Джульеттой на балконе. На простой деревянной подставке черными чернилами надпись: «Кате, Володе. Я отдала вам все, что во мне было. Г. Уланова».